

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Актуальные вопросы доказывания по уголовным делам»

Обучающийся

Э.Ю.о. Сафаров

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, доцент, С.И. Вершинина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Теоретико-правовые основы доказывания в уголовном процессе	8
1.1 Понятие и сущность доказывания	8
1.2 Предмет и пределы доказывания	14
Глава 2 Отдельные элементы структуры доказывания	22
2.1 Понятие, значение и способы собирания доказательств	22
2.2 Понятие, значение и способы проверки доказательств	29
2.3 Сущность, значение и способы оценки доказательств	33
Глава 3 Спорные вопросы доказывания в современном уголовном судопроизводстве	46
3.1 Проблемные аспекты процессуальной регламентации доказывания	46
3.2 Проблемные аспекты правоприменительной практики, связанной с доказыванием по уголовным делам	58
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Принятие Конституции Российской Федерации [24] ознаменовало начало масштабной правовой реформы, охватившей все отрасли национального законодательства, включая уголовно-процессуальную сферу. Данные преобразования были направлены на реализацию трех фундаментальных задач: установление эффективных гарантий защиты прав личности, формирование институциональных основ правового государства и обеспечение законности деятельности публичных органов власти.

В контексте уголовного судопроизводства эти изменения нашли нормативное закрепление в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ [65], где в качестве двуединого назначения процесса определены: с одной стороны, защита прав потерпевших от преступных посягательств, с другой - обеспечение правовых гарантий личности от необоснованного уголовного преследования. Эта концептуальная новелла потребовала кардинального пересмотра принципиальных основ уголовного процесса, что привело к созданию новой процессуальной парадигмы.

Несмотря на то, что УПК РФ действует уже почти 20 лет, в закон и по сей день вносятся бесчисленные изменения и дополнения, что обусловлено неразрешенностью теоретических и практических проблем, возникающих в деятельности по доказыванию различных субъектов уголовного судопроизводства.

Оживлению научной дискуссии по вопросам доказательственного права в последнее время отмечается многими исследователями и подтверждается появлением все новых публикаций по вопросам доказывания.

Вместе с тем появление новых составов преступлений, новых способов совершения преступлений обуславливает необходимость реформирования и разработки новых современных методов работы с доказательствами. Так, например, одним из актуальных вопросов современной правоприменительной практики является вопрос работы с электронными доказательствами.

Уголовно-процессуальное законодательство не регламентирует понятие электронных доказательств и не учитывает особенности их формы и работы с ними, в связи с чем в науке и практике обсуждаются вопросы о дополнении УПК РФ в этой части.

Изложенное позволяет судить об актуальности избранной темы диссертационного исследования.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся между участниками уголовного судопроизводства в ходе доказывания по уголовным делам.

Предмет исследования охватывает нормативно-правовое регулирование процессуального института доказывания, включая его содержательные параметры, предметные границы и функциональные пределы; специфику процессуальных механизмов формирования доказательственной базы, верификации доказательств и их оценочной интерпретации; эмпирическую базу судебных решений, отражающих правоприменительную практику в сфере доказывания.

Цель исследования заключается в комплексном анализе теоретических проблем доктринального осмысления института доказывания, практических аспектов его нормативной регламентации, закономерностей судебной интерпретации доказательственных норм в уголовном судопроизводстве.

Задачи настоящего исследования обусловлены его целью, к их числу относятся:

- изучение понятия и значения доказывания в уголовном судопроизводстве;
- анализ предмета и пределов доказывания;
- рассмотрение структуры доказывания собирания, проверки, оценки;
- выявление проблем правового регулирования института доказывания;
- анализ судебной практики по применению норм, регулирующих процесс доказывания по уголовным делам;

- выявить и предложить пути решения теоретических и практических проблем доказывания в современном уголовном судопроизводстве России.

Рассмотрению теоретических и практических проблем доказывания в современном уголовном судопроизводстве России посвящены работы таких ученых как: А. Р. Белкин, М.С. Срогович, И.Я. Фойницкий, А.С. Корнилов, В.А. Лазарева, В.А. Азаров, Л.Е. Владимиров, С.А. Шейфер, С.В. Курьлев, Ю.К. Орлов, С.Е. Киселева, Н.И. Ильин, Б.В. Чернышев, А.В. Гриненко и других.

Данными учеными-правоведами рассматривались вопросы о содержании доказывания на различных стадиях уголовного судопроизводства, анализировались проблемы определения предмета и пределов доказывания, проводились анализ проблем правоприменительной практики.

Эмпирическую базу исследования составили решения судов первой и апелляционной инстанции, а также Обзоры судебной практики.

Новизна настоящего исследования обусловлена системным подходом к рассмотрению теоретических и практических проблем доказывания в современном уголовном судопроизводстве и выражается в следующих положениях выносимых на защиту:

- В теории уголовного процесса доказывание концептуализируется как когнитивно-практическая деятельность субъектов уголовного судопроизводства, включающая три взаимосвязанных элемента: сбор, проверку и оценку доказательств, конечной целью которой является установление фактических обстоятельств делу посредством обоснования виновности лица в совершении инкриминируемого деяния.
- Отсутствие в числе способов собирания доказательств защитником, изложенных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, права на привлечение специалиста и получения его заключения по вопросам, требующим специальных знаний противоречит полномочиям защитника, перечисленным в ст. 53 УПК РФ. В связи с чем возможно расширить полномочия защитника по

собирацию доказательств, предоставив ему право собирать доказательства путем привлечения специалиста и получения его заключения. С учетом сказанного ч. 3 ст. 86 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 4, изложив его в следующей редакции: «привлечения специалиста и получения заключения специалиста».

- Полномочия стороны защиты по участию в доказывании на стадии предварительного расследования ограничены в связи с отсутствием у нее возможности по собственному усмотрению приобщать к материалам уголовного дела предметы и документы. Такие действия, как иные действия, направленные на получение оправдательных доказательств, могут быть осуществлены только по решению лица, производящего расследование, что нарушает право стороны защиты на участие в доказывании в стадиях досудебного производства. В целях разрешения данной проблемы возможно закрепить безусловную обязанность органов предварительного расследования приобщить к материалам уголовного дела любые предметы и документы, представленные защитником в качестве доказательств, а также удовлетворить ходатайства стороны защиты путем исключения из положений ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ фразы «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».
- Расследование уголовного дело невозможно представить без использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Однако с точки зрения уголовного процесса предание таким результатам свойства допустимости крайне затруднено. В целях разрешения данной проблемы возможно закрепить в ст. 89 УПК РФ конкретные требования к отдельным результатам оперативно-розыскной деятельности, позволяющие использовать их в качестве доказательств по уголовному делу.

- Сведения полученные на стадии возбуждения уголовного дела должны без сомнений признаваться доказательствами при условии, что они получены в формах, предусмотренных ст. 144 УПК РФ и соответствуют требованиям о достоверности. Дополнительного правового регулирования данный вопрос не требует.
- Отсутствие в УПК РФ понятия электронных доказательств и законодательной регламентации порядка собирания, проверки и оценки электронных доказательств существенно затрудняет работу судов. В связи с чем ч. 2 ст. 74 УПК РФ представляется необходимым дополнить новым видом доказательств: электронное (цифровое) доказательство. Закрепление понятия электронных доказательств возможно в ст. 5 УПК РФ: «Электронное (цифровое) доказательство – это любые сведения в виде цифрового файла, сохраненного на цифровом носителе, локальной сети или Интернет на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает в себя введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретико-правовые основы доказывания в уголовном процессе

1.1 Понятие и сущность доказывания

В юридической доктрине уголовное судопроизводство интерпретируется как регламентированная нормами процессуального права деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, направленная на расследование, раскрытие и процессуальную квалификацию преступных деяний. Содержательно данная деятельность представляет собой систему доказывания, включающую установление фактических обстоятельств преступления и подтверждение виновности причастных лиц. Таким образом, институт доказывания составляет процессуально-познавательную основу всей системы уголовного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве процесс доказывания реализуется поэтапно, приобретая специфические характеристики на каждой стадии процесса. На первоначальном этапе - стадии возбуждения уголовного дела - осуществляется доказывание преступного характера события, где процессуальным основанием выступает наличие достаточных данных, свидетельствующих о признаках состава преступления, что соответствует требованиям части 2 статьи 140 УПК РФ. В ходе предварительного расследования предмет доказывания расширяется, включая не только установление всех элементов состава преступления, но и формирование доказательственной базы, подтверждающей виновность конкретного лица в совершении инкриминируемого деяния, что создает необходимые предпосылки для передачи материалов уголовного дела в судебные инстанции с целью последующего вынесения обвинительного приговора и назначения уголовного наказания. При переходе к судебным стадиям производства доказывание виновности обвиняемого трансформируется в центральный процессуальный вопрос, требующий всестороннего исследования и

окончательного разрешения в контексте реализации правосудия, что подчеркивает его фундаментальное значение для обеспечения законности и обоснованности принимаемых судебных решений.

Для доказывания на каждой стадии уголовного процесса установлена своя процессуальная форма, которая обеспечивает законность и обоснованность данной деятельности, создает гарантии от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения.

Сущность деятельности по доказыванию заключается в том, что доказывание есть познавательная деятельность. Это означает, что следователь, дознаватель, прокурор и суд осуществляют познание произошедшего события преступления путем собирания, проверки и оценки доказательств. В.Н. Григорьев и А.В. Победкин отмечают, что уголовно-процессуальное познание «осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими познавательной деятельности во всех областях теории и практики» [17, с. 155].

По мнению З.З. Зинатуллина, «доказывание – это процессуальная форма познания обстоятельств уголовного дела, осуществляемого следователем, судом, с участием обвиняемого, потерпевшего, защитника и других лиц, наделенных соответствующими правами и несущих определенные обязанности» [21, с. 25].

Познавательная деятельность есть мыслительная деятельность, основанная на законах логики и методах анализа собранного фактического материала. Еще в дореволюционный период В.Д. Спасович писал, что «источников человеческого познания только два - опыт и разум, иными словами прямое наблюдение познаваемого и умозаключение» [57, с. 6].

А.А. Старченко отмечает, что «уголовно-процессуальное познание рассматривается как частный случай познания объективной действительности, протекающий по единым для всех видов познавательной деятельности законам» [58, с. 6].

Особенностью уголовно-процессуального познания является его

опосредованность. Событие преступление - это всегда событие прошлого и непосредственно познать его у следователя, дознавателя и суда возможности нет. Поэтому познание осуществляется посредством изучения следов преступления, которые остались на предметах окружающего мира. Данная позиция поддерживается В.Н. Фаткуллиным и некоторыми другими учеными [67, с. 16].

Уголовно-процессуальное доказывание имеет ряд особенностей, отличающих его от других видов познания.

Во-первых, уголовно-процессуальное доказывание представляет собой строго формализованную деятельность, осуществляемую в пределах конкретного уголовного дела и детерминированную фактом совершения общественно опасного деяния. Данный процесс носит целерациональный характер, будучи направленным на установление совокупности юридически значимых обстоятельств, необходимых и достаточных для правомерного привлечения индивидуально-определенного субъекта к уголовной ответственности в соответствии с принципами виновной ответственности и презумпции невиновности.

Во-вторых, доказывание осуществляется в строго установленной законом процессуальной форме, а именно в форме производства следственных и иных процессуальных действий. Получение следователем или дознавателем какой-либо информации, имеющей отношение к совершенному преступлению, еще не есть доказывание. Доказательственной эта информация станет только при соблюдении установленного порядка ее получения. Таким образом, результат доказывания - это появление доказательств, т.е. информации, облеченной в установленную форму.

В-третьих, границы доказывания определены установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ). Вместе с тем доказывание состоит не только в установлении материальных фактов. Доказывание включает установление также их связей, отношений закономерностей. Е.В. Кронов указывает, что в круг обстоятельств,

подлежащих доказыванию может входить и «установление способности обвиняемого осознавать фактический характер своих действий, их общественную опасность и руководить ими вследствие факта наличия у него психического расстройства» [25, с. 42].

И.Л. Петрухин и И.Б. Михайловская в уголовно-процессуальном доказывании выделяют не только познавательный аспект, но и удостоверительный. «Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве – это не только познание неизвестных обстоятельств на основе известных, но и процесс удостоверения устанавливаемых фактов, с тем чтобы принимаемое на их основе решение было убедительным для каждого, кто с ним ознакомится» [63, с. 220].

А.В. Леонтьев выделяет в доказывании три аспекта (уровня): «доказывание - познание, доказывание - удостоверение, доказывание - обоснование» [30, с. 55].

В.А. Лазарева отмечает, что «под удостоверением принято понимать обоснование правильности знания, полученного в ходе чувственно-практической деятельности. Эта цель достигается ясным словесным оформлением результатов следственного действия; отражением в протоколе, откуда, в каких условиях и каким способом получена информация; подтверждением участниками следственного действия правильности записей в протоколе» [27].

А.Р. Ратинов удостоверительный характер деятельности по доказыванию видит и в другом. По его мнению, «удостоверение, подтверждение, обоснование правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов, фактов и есть доказывание в широком смысле» [54, с. 49].

На наш взгляд, оба подхода к сущности доказательственной деятельности обоснованы. В уголовном процессе доказывание – это не только познание, но и удостоверение познанного материала, и это главное отличие доказывания как познавательной деятельности от других видов познания.

Вопросы содержания понятия доказывания рассматриваются не только в отечественной, но и в зарубежной литературе [73], [74], [75], [76], [77].

Все рассмотренные особенности доказывания как познавательной деятельности позволяют нам сформировать понятие доказывания.

Термин «доказывание» для науки уголовно-процессуального права не является новым. М.С. Строгович писал: «Мы отождествляем доказывание в уголовном процессе с познанием истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела» [60, с. 296].

М.С. Строгович также отмечал, что «доказывание – это установление всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. То есть, доказывание – это пользование доказательствами для выяснения обстоятельств уголовного дела» [60, с. 295].

В.А. Болдырев утверждал, что «доказывание – это деятельность по собиранию, закреплению и оценке доказательств следственно-судебных органов» [12, с. 12].

А.И. Трусов называл доказывание «процессом установления фактов» [62, с. 8].

Б.Т. Безлепкин описывал доказывание как «деятельность органов расследования и суда, осуществляемая в соответствии с требованиями процессуального закона по собиранию, исследованию и оценке фактических данных об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу» [8, с. 45]. Похожее мнение у Е.А. Доля, который говорил, что «доказывание - осуществляемая в предусмотренном законом порядке деятельность органов расследования и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств» [19, с. 149].

В современном уголовном процессе доказывание по-прежнему рассматривается как деятельность участников уголовного судопроизводства, направленная на познание обстоятельств совершенного преступления.

Уголовно-процессуальный закон в ст. 85 УПК РФ определяет

доказывание как «деятельность, состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию» [12].

В.А. Лазарева под доказыванием понимает «состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств мыслительную и практическую деятельность органов уголовного преследования (дознателя, следователя, прокурора, государственного обвинителя) по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления и обоснованию его вины» [27].

Следует подчеркнуть, что каждый элемент процессуальной деятельности в конечном счете подчинен задачам доказывания и направлен на формирование доказательственной базы. Конечным продуктом данного процесса выступает установление истины, которая в контексте уголовного судопроизводства носит специфический процессуальный (юридический) характер, что обусловлено природой уголовно-процессуального познания и не вызывает сомнений в современной процессуальной доктрине, хотя и остается предметом научных дискуссий относительно своих гносеологических границ и критериев достоверности.

В.А. Лазарева отмечает, что «абсолютной достоверности знания (как и абсолютной истины) не существует, вероятность ошибки в оценке доказанности обвинения, в соответствии знания действительности довольно высока. Единственным механизмом, который способен ограничить субъективизм при принятии процессуального решения и уменьшить риск осуждения невиновных является состязательность уголовного судопроизводства, создающая условия для контроля над деятельностью принимающего процессуальное решение должностного лица. Достижение истины не является целью уголовного процесса, но отраженный в приговоре, вступившем в законную силу, результат уголовного процесса презюмируется как истинный» [27].

1.2 Предмет и пределы доказывания

«Предмет доказывания - это факты и обстоятельства уголовного дела, которые устанавливаются при помощи доказательств и которые определяются характером преступления, являющегося предметом исследования по уголовному делу» [42, с. 69].

«Предмет доказывания не может охватить всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, но указывает на наиболее важные для установления признаков состава преступления» [42, с. 69]. Предмет доказывания образует общую схему доказывания, программу, которая показывает достигнута ли цель доказывания.

Несмотря на преимущественно доктринальный характер категории предмета доказывания, ее практическая значимость проявляется в детерминации направленности доказательственной деятельности правоприменительных органов, обеспечивая тем самым достижение целей уголовного судопроизводства. В российской процессуальной традиции предмет доказывания рассматривается через призму системы обстоятельств, подлежащих установлению, нормативно закрепленных в статье 73 УПК РФ, что создает методологическую основу для реализации принципа полноты и всесторонности исследования обстоятельств дела.

В соответствии со ст. 73 УПК РФ установлено, что при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию:

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

- обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;
- обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Современная нормативная конструкция предмета доказывания, регламентированная действующим УПК РФ, отражает поступательное развитие теоретических представлений в области уголовно-процессуального права, в то время как в предшествующих законодательных актах данная правовая категория не находила комплексного нормативного закрепления. Отсутствие законодательного определения предмета доказывания в тексте уголовно-процессуального кодекса акцентирует его преимущественно теоретико-правовой характер, что подчеркивает значимость доктринальных разработок в данной сфере.

Историко-правовой анализ свидетельствует, что одним из первых исследователей, обратившихся к теоретическому осмыслению данной проблематики, был выдающийся процессуалист И.Я. Фойницкий, чьи работы заложили методологические основы для последующего развития учения о предмете доказывания в отечественной юридической науке. И.Я. Фойницкий указывал на «необходимость исследования по каждому уголовному делу события преступления, сведений о личности подсудимого, обстоятельств, уличающих и оправдывающих обвиняемого, устанавливающих возможность или невозможность подвергнуть обвиняемого уголовной ответственности» [69, с. 238].

С.А. Шейфер отмечал, что «предмет доказывания в самом общем виде следует трактовать как своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания, в ходе которой отсекается все, что лежит за пределами цели уголовно-процессуального познания» [70, с. 75].

В Уставе уголовного судопроизводства перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу отсутствовал. Устав содержал лишь указание на необходимость установления виновности лица, совершившего преступление (ст. 755).

Не был предмет доказывания сформулирован и в первых советских уголовно-процессуальных кодексах. Так, в УПК РСФСР 1923 г. основу предмета доказывания составлял перечень вопросов, подлежащих разрешению в приговоре суда (ст. 320).

Впервые предмет доказывания был законодательно закреплён в Основах уголовного судопроизводства 1958 г. К числу обстоятельств подлежащих доказыванию были отнесены: событие преступления, виновность, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, и характер и размер ущерба, причиненного преступлением (ст. 15). Аналогичная норма содержалась и в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 68).

А.М. Ларин отмечал, что, в сущности, Основы уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960г. закрепляли не предмет доказывания, а предмет обвинения, поскольку отражали лишь обстоятельства, направленные на установление виновности лица [29, с. 89].

Кардинальны изменения в понимании предмета доказывания произошли с принятием УПК РФ и закреплением в ст. 73 обстоятельств, подлежащих доказыванию, в перечень которых был включен не только предмет обвинения, но и предмет защиты.

Традиционно в структуре предмета доказывания принято выделять главный факт. Под главным фактом Ю.К. Орлов понимает «совершение преступления определенным лицом» [42, с. 32]. Г.Ф. Горский и некоторые другие авторы установление главного факта связывают с установлением всех

признаков состава преступления [16, с. 83]. М.С. Строгович понимает главный факт как «совокупность фактов, из которых складывается уголовно-наказуемое деяние» [60, с. 363]. Наиболее обоснованной позицией по вопросу определения главного факта представляется мнение В.А. Лазаревой, которая отождествляет главный факт с составом преступления [27, с. 101].

В теории уголовно-процессуального доказывания наблюдается диалектическое соотношение между понятиями «главный факт» и «предмет доказывания». В рамках теоретико-правовой концепции предмета доказывания центральное место занимает его структурное ядро - главный факт, интегрирующий объективный (криминальное событие) и субъективный (виновность лица) компоненты, однако комплексный анализ данной категории предполагает необходимость учета более широкого круга юридически релевантных обстоятельств, выходящих за рамки указанной дихотомии, включая, в частности, персонифицирующие характеристики обвиняемого, что в совокупности обеспечивает реализацию принципов полноты и объективности при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела.

Главный факт находит свое процессуальное воплощение в системе ключевых вопросов, подлежащих обязательному разрешению судебной инстанцией при вынесении итогового решения по уголовному делу, что отражает его фундаментальное значение для установления объективной истины и обеспечения законности приговора:

- доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый;
- доказано ли, что деяние совершил подсудимый;
- является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено;
- виновен ли подсудимый в совершении этого преступления.

Таким образом, главный факт представляет собой наиболее важную часть предмета доказывания.

В.А. Лазарева отмечает, что «понятие главного факта позволяет отграничивать конечную цель доказывания от промежуточных целей. Чтобы доказать совершение лицом преступления (главный факт), часто бывает необходимо доказать множество других фактов, находящихся между доказательствами и главным фактом, поэтому их принято называть промежуточными. Промежуточные факты в отличие от главного не имеют выражения ни в уголовном, ни в уголовно-процессуальном законе, и в этом смысле они не являются юридически значимыми. Значение промежуточных фактов заключается в их способности служить средствами установления главного факта» [27, с. 102].

Проведенный анализ природы промежуточных фактов позволяет констатировать их внесистемный характер, выражающийся в отсутствии нормативной фиксации, а также их уникальную процессуальную специфику, детерминированную особенностями конкретного уголовно-наказуемого деяния.

Промежуточные факты позволяют установить главный факт и устанавливаются в целях его доказывания. Промежуточные факты в предмет доказывания не входят. По мнению Ю.К. Орлова, включение промежуточных фактов в предмет доказывания может привести к его «растворению» [42, с. 29].

В доктрине доказательственного права выделяется категория вспомогательных фактов, представляющих собой обстоятельства, выполняющие функцию процессуального инструментария для выявления и верификации иных значимых обстоятельств дела. Совокупность таких фактов отличается значительной вариативностью и подлежит обязательному установлению в рамках каждого конкретного уголовного производства. Научный анализ позволяет утверждать, что вспомогательные факты, аналогично промежуточным, не входят в непосредственный предмет доказывания, а выполняют служебную роль в механизме его установления.

При этом уголовно-процессуальное законодательство предусматривает для отдельных категорий уголовных дел специальную регламентацию

предмета доказывания, отличающуюся от общеустановленных требований, что обусловлено спецификой соответствующих составов преступлений и необходимостью обеспечения дифференцированного подхода к доказыванию. Так, в соответствии со ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, устанавливаются также возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

В соответствии со ст. 434 УПК РФ при производстве о применении принудительных мер медицинского характера подлежат доказыванию следующие обстоятельства: время, место, способ и другие обстоятельства совершенного деяния; совершено ли деяние, запрещенное уголовным законом, данным лицом; характер и размер вреда, причиненного деянием; наличие у данного лица психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу; связано ли психическое расстройство лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда.

Установление обстоятельств, перечисленных в ст. ст. 421, 434 УПК РФ выходит за пределы общего предмета доказывания и не является обязательным по большинству уголовных дел. Однако при производстве по уголовному делу в отношении особых субъектов (несовершеннолетние и лица, страдающие психическими расстройствами) установление этих обстоятельств является обязательным и дополняет предмет доказывания.

Мнение о наличии специального предмета доказывания поддерживается не всеми процессуалистами, в частности, В.А. Лазарева отмечает, что «установление каких-то дополнительных обстоятельств по отдельным

категориям уголовных дел никак не свидетельствует о наличии специального предмета доказывания» [27].

Отсутствие законодательного определения предмета доказывания создает существенные трудности в правоприменении и влечет ошибки.

В связи с этим возможно законодательно закрепить понятие предмета доказывания путем внесения дополнений в ст. 5 УПК РФ: «п. 25.1 предмет доказывания – обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу».

Теоретическое осмысление предмета доказывания требует его рассмотрения в неразрывной связи с проблематикой пределов доказывания, которая остается объектом научной полемики в современной процессуальной доктрине. Историко-правовой анализ эволюции данной категории демонстрирует существенную трансформацию научных представлений: от первоначальной идентификации пределов доказывания с его предметом до их современного понимания как самостоятельного института, определяющего границы и интенсивность доказательственной деятельности [34, с. 361].

В последующем П.А. Лупинская писала, что «совокупность доказательств, необходимых в конечном итоге для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и образует пределы исследования, или пределы доказывания» [31, с. 94].

Ф.Н. Фаткуллин пределами доказывания именуется «такие границы этой деятельности, которые выражают полноту проверяемых версий, глубину исследования подлежащих доказыванию фактов (обстоятельств), объем доказательств и их источников, обязательных для признания наличия или отсутствия этих фактов, и достаточность обоснования выводов по делу» [67, с. 70].

Выводы по главе. Понятие пределов доказывания, также, как и предмета доказывания, в законе не закреплено.

Вместе с тем анализ пределов доказывания позволил установить ряд критериев их определения.

Во-первых, теоретическая модель пределов доказывания в уголовном процессе основывается на диалектическом единстве количественного и качественного аспектов процессуального познания: с одной стороны, требуется полная реконструкция всей совокупности обстоятельств, образующих предмет доказывания, с другой - достижение уровня доказательственной достоверности, исключающей разумные сомнения в установленных фактах, что в своей системной взаимосвязи создает необходимые эпистемологические предпосылки для вынесения процессуального решения, соответствующего принципам законности и обоснованности.

Во-вторых, обстоятельства, подлежащие доказыванию, должны быть подтверждены достаточной совокупностью обстоятельств. Достаточность совокупности доказательств характеризуется количественными и качественными критериями.

Количественный критерий считается достигнутым, когда собранная совокупность доказательств позволяет установить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Качественный критерий достигнут, если собранная совокупность доказательств является внутренне непротиворечивой, надежной.

В-третьих, пределы доказывания достигнуты, если органами расследования произведен весь необходимый объем следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, направленный на установление предмета доказывания.

Глава 2 Отдельные элементы структуры доказывания

2.1 Понятие, значение и способы собирания доказательств

Содержание термина «собирание доказательств» в законе не определено. В науке уголовно-процессуального право на собирание доказательств не имеет однозначной трактовки. Так, например, С.Б. Россинский включает в понятие собирания доказательств только «их обнаружение и закрепление в установленном законом порядке» [55, с. 254], А.Р. Белкин же в свою очередь включает в понятие собирания доказательств также и «их обнаружение (розыск, поиск), получение, фиксацию, изъятие и сохранение» [11, с. 145].

Справедливо подчеркивается, что «получение доказательственной информации еще не означает получение доказательства. Рассматривая доказательство как единство формы и содержания, мы приходим к убеждению, что неперменной составляющей процесса собирания является закрепление этой информации в установленной законом форме, т.е. фиксация в протоколе следственного или судебного действия» [67, с. 45].

Рассмотрим каждый из элементов собирания подробнее.

Обнаружение доказательств – это «начальная и необходимая стадия их собирания, заключающаяся в поиске и выявлении фактических данных, которые в дальнейшем могут приобрести доказательственное значение. На данной стадии собирания доказательств субъект доказывания имеет дело не с доказательствами, а с фактическими данными, которые (по его соображению) еще только могут стать доказательствами» [67, с. 48].

Процессуальная деятельность по фиксации доказательств, следующая за их получением, характеризуется в научной литературе терминологической неоднородностью, порождающей дискуссионность данного понятия. В уголовно-процессуальном аспекте фиксация доказательств представляет собой удостоверительную деятельность уполномоченных субъектов,

направленную на придание фактическим данным юридически значимой формы судебных доказательств. Важно отметить, что указанный процесс должен выполнять двоякую функцию: как процессуального оформления, так и объективного сохранения доказательственной информации. Одни ученые считают, что «фиксация является самостоятельным элементом доказывания, другие рассматривают фиксацию, как завершающий этап собирания доказательств» [11, с. 44].

Как отмечает Ю.В. Стельмах, «изъятие доказательств ставит своей целью обеспечение возможности их использования для доказывания, приобщения к делу, служит средством их сохранения для следствия и суда» [59, с. 93].

Истребование доказательств как часть собирания, прежде всего, применяется в целях получения органом расследования и судом документов из государственных органов и органов местного самоуправления, а также из организаций и от должностных лиц, на которых возложена обязанность такие документы предоставить.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирует процессуальные механизмы собирания доказательств посредством совершения следственных и иных процессуальных действий, при этом законодатель в систематизированном виде закрепляет исчерпывающий перечень допустимых следственных действий в рамках глав 24-27 УПК РФ, что обеспечивает формальную определенность и соблюдение принципа законности в процессе формирования доказательственной базы. Следственные действия являются видом процессуальных действий. Их отличительной чертой является ярко выраженный познавательный характер. Результатом производства любого следственного действия является получение некой информации, значимой для расследования преступления. Следственные действия производятся специально уполномоченными субъектами в рамках производства по конкретному уголовному делу, за исключением случаев, предусмотренных ст. 144 УПК РФ.

Однако производство следственных действий является не единственным способом собирания доказательств. Законодатель указывает на возможность производства и иных процессуальных действий. Нужно отметить, что иные процессуальные действия познавательной цели не имеют, но в процессе их производства может появляться информация значимая для расследования. В юридической литературе единого мнения о том, какие именно действия следует к ним относить нет.

Значимая для разрешения уголовного дела информация также может быть получена в ходе предъявления обвинения. Поскольку данное процессуальное действие предполагает установление сведений об обвиняемом и его отношении к предъявленному обвинению. К иным процессуальным действиям, направленным на собирание доказательств, также иногда относят дачу поручения органам дознания на производство следственных действий.

Не менее важным является вопрос о субъектах уполномоченных на собирание доказательств. В соответствии со ст. 86 УПК РФ к их числу отнесены дознаватель, следователь, прокурор и суд. Это уполномоченные участники уголовного судопроизводства. Субъекты уголовного преследования - дознаватель, следователь и прокурор - в соответствии со ст. 14 УПК РФ наделены законодателем комплексом полномочий по осуществлению доказательственной деятельности, включая право на собирание доказательств. Субъекты уголовного преследования (дознаватель, следователь, прокурор) наделены автономией в выборе стратегии расследования и процессуальных решений, при этом следователь, в соответствии со ст. 38 УПК РФ, выполняет координирующую функцию, выражающуюся в праве давать обязательные для исполнения письменные указания органам дознания относительно проведения ОРМ, исполнения мер процессуального принуждения (задержание, привод, арест) и оказания организационно-технического содействия, что формирует институциональный механизм реализации обвинительной функции на досудебных стадиях производства. Указанные полномочия являются полномочиями по доказыванию и направлены на собирание доказательств.

Прокурор осуществляет функцию уголовного преследования и поддержания обвинения в суде, и в силу данной обязанности также наделен рядом процессуальных и надзорных полномочий по доказыванию. Несмотря на то, что прокурор самостоятельно собирание доказательств не осуществляет, в ходе досудебного производства он уполномочен, например, давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий (ст. 37 УПК РФ).

Ключевым полномочием прокурора в процессе доказывания на досудебной стадии производства выступает санкционирование итоговых обвинительных документов (заключения, акта или постановления), что предполагает всестороннюю оценку собранных доказательств на предмет их достаточности для поддержания государственного обвинения. В соответствии со ст. 221 УПК РФ, «при выявлении процессуальных или доказательственных дефектов прокурор наделен правом возвратить уголовное дело следователю для проведения дополнительного расследования, корректировки правовой квалификации деяния либо переформулирования обвинения, сопровождая такое решение обязательными для исполнения процессуальными предписаниями, направленными на устранение выявленных нарушений» [44, с. 56].

В указаниях прокурор должен указать какие именно следственные действия необходимо провести и какие обстоятельства установить. Данное полномочие может рассматриваться как направленное на собирание доказательств. В ходе судебного производства у прокурора есть право заявлять ходатайства, в том числе связанные с совершением действий по собиранию доказательств.

Наиболее спорным является вопрос о правильности отнесения суда к числу субъектов, наделенных правом собирать доказательства. Некоторые процессуалисты отмечают, что в силу принципа состязательности сторон суд является независимым, беспристрастным арбитром [44, с. 58].

Конституционный Суд РФ в 2003 году проверил конституционность

положения о возможности собирания доказательств судом по собственной инициативе. Было отмечено, что осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом. В частности, речь идет о правомочии рассматривающего уголовное дело суда по собственной инициативе назначить повторную экспертизу, направленную на разрешение сомнений в обоснованности ранее полученного заключения эксперта и устранение противоречий в сделанных выводах.

Такое право является непременным условием использования судом (в том числе в порядке части первой статьи 86, части первой статьи 240, части первой статьи 282, части первой статьи 283 УПК РФ) тех или иных доказательств для принятия на их основе правосудных решений. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а, следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия.

Принятие судом в целях осуществления правосудия и на основании указанных норм УПК РФ решения о получении доказательств, предназначенных для проверки уже имеющихся в деле доказательств, не препятствует сторонам обвинения и защиты использовать на началах состязательности и равноправия, любые предусмотренные законом средства отстаивания своих интересов в суде, включая возражение против получения и исследования таких доказательств в судебном следствии и оспаривание их

допустимости и достоверности. Суд в таком случае не освобождается от обязанности исследовать доводы сторон и при возникновении у него сомнений в допустимости и достоверности полученных им либо представленных сторонами доказательств, отвергнуть их в соответствии с требованиями, установленными законом на основании статей 49 (часть 3) и 50 (часть 2) Конституции Российской Федерации [38].

Системный анализ нормативных положений и правоприменительной практики подтверждает юридическую обоснованность признания за судом статуса субъекта доказательственной деятельности, реализующего свои полномочия в строгом соответствии с принципами уголовного процесса.

Особым участником уголовного судопроизводства, уполномоченным на соби́рание доказательств, является защитник. В соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ «защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии» [65].

В рамках уголовно-процессуального законодательства закреплён специальный механизм реализации защитником полномочий по формированию доказательственной базы, который обладает существенной спецификой по сравнению с доказательственной деятельностью официальных субъектов уголовного преследования, что обусловлено необходимостью обеспечения принципа равноправия сторон в условиях состязательной модели судопроизводства. Главное отличие заключается в том, что требования о соблюдении процессуальной формы к доказательствам стороны защиты не предъявляются. Сама по себе процессуальная форма является гарантией от злоупотреблений со стороны органов расследования и направлена на обеспечение законности и обоснованности выводов о виновности подозреваемого обвиняемого.

Защитник является самостоятельным участником уголовного судопроизводства и наделен самостоятельным процессуальным статусом. Предоставление ему права собирать доказательства есть гарантия права на защиту и выражение принципа состязательности сторон.

Вместе с тем, даже при наличии у защитника указанных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ полномочий возможности по доказыванию на стадии предварительного расследования у него существенно ограничены, поскольку окончательное решение о приобщении к материалам дела представленных защитников предметов и документов принимает лицо, производящее расследование. Протокол опроса, составленный защитником, служит лишь основанием для допроса данного лица в качестве свидетеля. О проведении допроса решение также принимается органом расследования. В связи с этим А.И. Мещерин предлагает «регламентировать процедуру преобразования сведений, полученных в результате частной сыскной деятельности, в доказательства» [33, с. 162].

Изложенное породило в науке дискуссию о необходимости наделения защитника в ходе досудебного производства полномочиями аналогичными полномочиям следователя и дознавателя [27]. С этой позицией трудно согласиться, поскольку законом на сторону защиты обязанностей по доказыванию не возложено, а значит и предоставление полномочий равных стороне обвинения не требуется. В силу принципа презумпции невиновности обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 14 УПК РФ).

В юридической литературе звучат предложения о предоставлении защитнику права собирать доказательства при помощи частного детектива. Так, Г.И. Алейников предлагает «предоставить защитнику право заключать договор с частным детективом на сбор сведений по уголовному делу» [1, с. 158]. Согласиться с данным предложением означает узаконить результаты деятельности частных детективов как доказательств. Однако это

не совсем верно, поскольку во многих случаях проверить достоверность результатов деятельности частных детективов невозможно. В силу этого разумным представляется рассмотрение результатов деятельности частных детективов как оснований для производства следственных действий (допроса, обыска и т.д.). Уголовно-процессуальная регламентация права защитника на заключение договора с частным детективом в этом случае не требуется.

Рассматривая вопрос о сбории доказательств, «невозможно не остановиться на праве подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ)» [62, с. 101].

Термин представление доказательств в уголовно-процессуальном законе не расшифрован, тем не менее право представлять доказательства представлено всем заинтересованным неуполномоченным участникам уголовного процесса. Представление в юридической литературе трактуется как «передача», т.е. представить предметы и документы означает передать уполномоченному лицу письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств. Таким образом, представление доказательств может рассматриваться как часть собирания.

Понятие, значение и способы проверки доказательств

В рамках уголовно-процессуальной деятельности проверка доказательств рассматривается как диалектическое единство практических действий и логико-мыслительных операций, реализуемых уполномоченными субъектами доказывания с целью верификации полученной доказательственной информации, при этом центральным объектом проверки выступает установление ее достоверности как фундаментального свойства, определяющего доказательственную ценность сведений.

Поскольку законодательное определение термина «проверка доказательств» отсутствует, в науке возникли споры о том, что же считать проверкой доказательств.

В русском языке термин «проверка» произведен от глагола «проверить». В этимологическом значении этот термин означает: «1) удостовериться в правильности или ошибочности чего-нибудь, 2) испытать, подвергнуть испытанию для выяснения чего-нибудь (доброкачественности, пригодности, знаний, опыта и т.п.), 3) обследовать с целью надзора; 4) проконтролировать, просмотреть с целью контроля» [66, с. 808].

Р.С. Белкин, отождествляя проверку и исследование доказательств, писал, что «под исследованием понимается познание следователем или судом содержания доказательств, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу» [9, с. 48].

А.В. Кудрявцева и С.В. Попов отмечают, что самостоятельность проверки доказательств как части процесса доказывания является весьма условной, поскольку неотделима от собирания и оценки [26, с. 17]. А.М. Ларин выступал против выделения проверки, как элемента процесса доказывания [28, с. 19].

О взаимосвязи элементов процесса доказывания и отсутствии необходимости их искусственного разделения писала П.А. Lupинская. Она указывает на то, что «доказательство может проверяться уже в ходе его получения (например, постановка контрольных вопросов при допросе» [64, с. 256].

Значение данного элемента доказывания состоит в том, что проверка доказательств создает основу для их последующей оценки с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В соответствии со ст.87 УПК РФ проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также

установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

В числе способов проверки доказательств называют три основных способа:

- установление источника доказательства;
- получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство;
- сопоставление доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле.

Рассмотрим каждый из них подробнее.

Основным способом проверки доказательств В.А. Лазарева называет «получение новых доказательств в целях расширения их совокупности» [27].

Введение в процесс новых доказательственных материалов создает возможность для верификации уже имеющихся доказательств посредством их перекрестной проверки, что позволяет установить степень их достоверности и доказательственной ценности в системе собранных по делу сведений, а с другой стороны - позволяет получить информацию об источнике его происхождения, что также является одним из способов проверки. Законом не определены количественные характеристики достаточности совокупности доказательств. Представляется, что доказательств достаточно, когда однозначно установлены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Таким образом, получение новых доказательств позволяет не только проверить ранее полученные, но и восполнить пробелы в доказывании и расширить доказательственную базу.

Установление источника доказательства также имеет крайне важное значения для проверки его достоверности. В соответствии со ст. 75 УПК РФ «к недопустимым доказательствам относятся показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» [65].

Такие показания невозможно проверить, а значит невозможно судить об их достоверности.

В уголовно-процессуальном доказывании исключается использование результатов негласных оперативно-розыскных мероприятий ввиду невозможности установления первоисточника полученных сведений, что делает объективную проверку их достоверности и соответствия критериям допустимости принципиально неосуществимой, нарушая тем самым фундаментальные принципы доказательственного права.

Сопоставление доказательств с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, также рассматривается в качестве способа проверки доказательств. «Главная качественная характеристика надежной совокупности доказательств состоит в ее внутренней непротиворечивости, т.е. одно доказательство подтверждает другое, а вся совокупность доказательств позволяет сделать вывод о виновности в совершении преступления определенного лица» [67, с. 47].

Прокурор осуществляет процессуальную проверку доказательств, содержащихся в материалах уголовного дела. Данная деятельность носит преимущественно аналитико-оценочный характер, представляя собой интеллектуально-познавательный процесс, а не практические действия оперативно-следственного характера. Ключевая процессуальная функция прокурора заключается в формировании внутреннего убеждения о доказанности виновности обвиняемого на основе собранных следственными органами доказательств.

В системе уголовного судопроизводства проверка доказательств судебной инстанцией происходит в условиях соблюдения принципов гласности и непосредственности, предполагающих их исследование в ходе открытого судебного разбирательства с участием всех заинтересованных сторон, что создает необходимые процессуальные гарантии достоверности получаемых результатов.

Согласно разъяснениям Конституционного суда Российской Федерации, «суд, выполняя функция правосудия, наделен полномочиями проверки и оценки доказательств с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности. Проверке и оценке подлежат все доказательства, вне зависимости от стороны, которая их представила, также вне зависимости от того, имеются они уже в материалах уголовного дела или представлены в ходе судебного разбирательства. Вместе с тремя критериями проверки и оценки доказательств суд также устанавливает источник их получения» [40].

«Суд, являясь независимым, дает доказательствам свою оценку, не опираясь на мнение стороны обвинения или защиты, проверка доказательств судом по своему значению не связана с задачами уголовного преследования. Проверка доказательств на стадии судебного разбирательства, перед судом имеется полная картина произошедшего преступления, сформирована позиция обвинения, оперированная фактическими обстоятельствами дела, которые уже были проверены на стадии предварительного расследования» [40].

Сущность, значение и способы оценки доказательств

Оценка доказательств — это заключительный элемент процесса доказывания, который состоит в мыслительной деятельности суда, прокурора, следователя, дознавателя направленной на установление относимости, допустимости, достоверности доказательств и в целом их достаточности для принятия судебного решения.

Оценка доказательств как структурный элемент доказывания обладает существенной спецификой по сравнению с собиранием и проверкой доказательств, заключающейся в ее принципиальной невозможности быть полностью регламентированной нормами уголовно-процессуального права, что обусловлено ее преимущественно гносеологической природой и необходимостью формирования внутреннего судейского убеждения. Если

собрание и проверка доказательств заключаются в производстве процессуальных действий, то оценка не имеет процессуальной формы, т.е. мыслительную деятельность невозможно урегулировать нормами права. Закон может регулировать лишь критерии и результаты такой деятельности в виде признания доказательства недопустимым. Субъекты уголовного преследования (прокурор, следователь, дознаватель) обладают процессуальной компетенцией по исключению доказательств из системы доказательственной базы в случае их недопустимости, что может осуществляться как по мотивированному ходатайству стороны защиты (подозреваемого или обвиняемого), так и по собственной инициативе, при этом такие доказательства подлежат безусловному исключению из итоговых обвинительных документов. Параллельно судебная инстанция, руководствуясь положениями статей 234 и 235 УПК РФ, вправе признать доказательства недопустимыми как по ходатайству участвующих в деле сторон, так и в порядке *ex officio*, что обеспечивает многоуровневый механизм защиты от использования доказательств, полученных с нарушением процессуального закона.

В основе оценки доказательств лежит принцип свободной оценки доказательств. В силу ст. 17 УПК РФ судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Генезис принципа свободной оценки доказательств в отечественном уголовном процессе отражает эволюционный переход от архаичной системы формальных доказательств, основанной на жесткой нормативной регламентации их значимости, к современной модели, предполагающей автономное внутреннее убеждение субъектов доказывания при соблюдении требований закона и логики. В соответствии с формальной теорией оценки доказательств каждое доказательство имеет заранее установленную силу,

доказательства подразделяются на совершенные и несовершенные. Признание вины является совершенным доказательством и не требует дополнительного доказывания. В истории формальная оценка доказательств часто являлась причиной неправосудных решений. И. Я. Фойницкий писал, что «формальная теория никогда не предупреждала несправедливых осуждений и весьма часто приводила к безнаказанности явных преступников» [69, с. 186].

Однако в современной правовой литературе критикуется и изложенный в ст. 17 УПК РФ принцип свободной оценки доказательств. По мнению В.А. Лазаревой, говорить о свободной оценке доказательств, по внутреннему убеждению, следователем, дознавателем, прокурором и государственным обвинителем невозможно, поскольку все они связаны возложенной на них законом функцией обвинения, а значит не могут быть беспристрастны в оценке доказательств. По ее мнению, единственным участником уголовного процесса, которым данный принцип в полной мере может быть реализован является суд. Суд в отличие от остальных участников уголовного судопроизводства не связан какой-либо позицией, он беспристрастен, обладает гарантиями независимости и действует в условиях состязательности [27].

В основе внутреннего убеждения судьи лежит совокупность собранных по делу доказательств, закон и совесть. При вынесении приговора судебная инстанция основывается на триединой системе критериев, включающей в себя фактическую установленность виновности подсудимого через совокупность исследованных доказательств; нормативные предписания уголовного и уголовно-процессуального закона; индивидуальное правосознание судьи, формируемое под влиянием профессиональной компетенции, социального опыта, усвоенных морально-этических принципов и внутренней убежденности в справедливости принимаемого процессуального решения, что в совокупности обеспечивает баланс объективных и субъективных факторов правоприменения.

Статья 88 УПК РФ определяет критерии оценки доказательств. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела. В теории уголовного процесса относимость, допустимость, достоверность и достаточность именуется свойствами доказательств.

Относимость доказательств представляет собой фундаментальное требование, предъявляемое к их содержательной составляющей, которое заключается в наличии объективной связи между доказательственной информацией и обстоятельствами конкретного уголовно-наказуемого деяния. Отсутствие такой связи детерминирует утрату доказательством свойства относимости, что исключает его возможность участвовать в процессе доказывания обстоятельств рассматриваемого преступления. На начальных этапах предварительного расследования установление относимости доказательств сопряжено со значительными трудностями, обусловленными информационной недостаточностью относительно обстоятельств события преступления.

Законодательное определение предмета доказывания, содержащееся в ст. 73 УПК РФ, представляет собой лишь нормативное ядро системы обстоятельств, подлежащих доказыванию, тогда как реальный процесс доказывания в уголовном судопроизводстве охватывает более широкий круг фактов, включая как промежуточные обстоятельства, служащие логическими посылками для выводов, так и доказательственные факты, выполняющие функцию процессуальных аргументов, что в совокупности образует комплексную систему фактических данных, необходимых для всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела.

В.А. Лазарева отмечает, что «относимыми являются доказательства:

- устанавливающие обстоятельства, характеризующие событие преступления (место, время, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

- устанавливающие виновность лица, его совершившего, формы вину и мотивы;
- характеризующие личность обвиняемого;
- свидетельствующие о наличии обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание;
- характеризующие причиненный преступлением вред и его размер;
- способствующие установлению условий совершения преступления» [27].

Оценку доказательств как относимых осложняет то обстоятельство, что далеко не все обстоятельства, подлежащие доказыванию перечислены в УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон не указывает на необходимость доказывания промежуточных фактов, однако фактически это является обязательным и позволяет выстроить связи между доказательствами и в конечном счете установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. При этом следует заметить, что если какое-то обстоятельство подлежащее доказыванию уже установлено, то доказательства собранные также в целях его подтверждения обладают свойством относимости.

К аналогичному выводу приходит и В.А. Лазарева, которая к числу относимых доказательств также относит:

- «указывающие на наличие других доказательств, обеспечивающие поиск и расширение совокупности доказательств;
- характеризующие условия и порядок производства того или иного следственного действия и способствующие тем самым проверке ранее собранных доказательств (например, доказательства, подтверждающие способность видеть с того места, где находился свидетель, условия наблюдения, характер взаимоотношений с обвиняемым, соблюдение процедуры допроса и пр.);
- устанавливающие факты, противоречащие исследуемой версии;
- опровергающие уже установленные обстоятельства;

- устанавливающие, так называемые, негативные, т.е. отсутствующие, но естественные при обычном ходе события обстоятельства (например, отсутствие следов транспортного средства противоречит количеству похищенного);
- свидетельствующие об отсутствии смежного состава преступления (например, об отсутствии угрозы применения насилия при завладении имуществом) или отягчающих обстоятельств» [27].

Таким образом, относимость доказательств носит казуальный характер и устанавливается индивидуально в зависимости от конкретных обстоятельств дела, при этом определяющим критерием выступает их соответствие выдвинутой следственной или судебной версии, что отражает ситуативную природу данного доказательственного свойства.

Допустимость доказательств, представляя собой фундаментальное свойство доказательственной базы, характеризует их процессуальную форму и соблюдение установленных законом процедур получения, в отличие от относимости, отражающей содержательную связь с предметом доказывания. Примечательно, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, не давая позитивного определения допустимости, использует негативный метод регламентации, конкретно указывая на случаи и основания признания доказательств недопустимыми, что создает систему процессуальных фильтров для обеспечения чистоты доказательственного материала.

В силу ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ.

К недопустимым доказательствам относятся:

- «показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие

- защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде;
- показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;
 - предметы, документы или сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий;
 - полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и (или) указанная декларация и сведения, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу;
 - полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения о факте указания подозреваемого, обвиняемого в специальной декларации, представленной иным лицом в соответствии с Федеральным законом «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», и (или) сведения о подозреваемом, обвиняемом, содержащиеся в указанной декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к указанной декларации, за исключением случаев представления декларантом копий указанных

декларации и документов и (или) сведений для приобщения к уголовному делу» [17, с. 456-458].

Данный перечень закрытым не является. Недопустимыми могут быть признаны и иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. В качестве критериев допустимости доказательств в теории уголовного процесса называются следующие требования «управомоченность субъекта; надежность источника информации; законность способа получения доказательства; наличие требуемой по закону формы фиксации (закрепления) сведений» [64, с. 230].

Рассмотрим каждый из указанных критериев подробнее.

Управомоченным субъектом получения доказательств по уголовному делу принято считать должностное лицо, у которого данное дело находится в производстве. Например, следователь или дознаватель принявшие уголовное дело к своему производству. Таковым субъектом является и суд, рассматривающий уголовное дело. Требование о наделении субъекта собирания доказательств соответствующими полномочиями гарантирует законность его действий по получению доказательств и применению ограничений, связанных с производством следственных действий. Так, в соответствии со ст. 38 УПК РФ «следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу» [65].

Вместе с тем, «следователь уполномочен давать органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении» [42, с. 387]. В этом случае должностное лицо, получившее такое поручение, также будет считаться уполномоченным субъектом.

Надежность источника доказательственной информации обеспечивается его известностью и проверяемостью. Доказательственная информация, происхождение которой установить невозможно не может использоваться в качестве доказательственной, поскольку источник ее происхождения установить невозможно. Это основная проблема в использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность осуществляется на основе сочетания гласных и негласных методов и средств. Результаты негласных оперативно-розыскных мероприятий не подлежат проверке, поскольку обладают высокой степенью секретности.

Законность способа получения доказательства предполагает, что «доказательства могут быть получены исключительно путем производства следственных и иных процессуальных действий, прямо предусмотренных УПК РФ. В силу ст. 86 УПК РФ собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Перечень следственных действий закреплен в главах 24-27 УПК РФ» [42, с. 358].

Не менее важным критерием допустимости доказательств является соблюдение формы их закрепления. В качестве доказательств согласно ст. 74 УПК РФ допускаются:

- показания подозреваемого, обвиняемого;
- показания потерпевшего, свидетеля;
- заключение и показания эксперта;
- заключение и показания специалиста;
- вещественные доказательства;
- протоколы следственных и судебных действий;
- иные документы.

По общему правилу основной обязательной формой фиксации доказательств является протоколирование. Отсутствие протокола или наличие нарушений в порядке его оформления делает недопустимым в использовании любых иных результатов фиксации доказательственной информации.

Протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания. Протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле.

В протоколе указываются:

- место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты;
- должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;
- фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности.

В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии.

В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств.

Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право

делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц.

Протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия.

При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь, дознаватель вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия начальника органа дознания выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием.

Протокол следственного действия в обязательном порядке должен включать документальную фиксацию факта разъяснения участникам их процессуального статуса, включая объем прав, круг обязанностей, меры ответственности и процедурный порядок проводимого действия, что подтверждается личными подписями всех участвующих лиц в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Нарушение описанных правил составления протокола может повлечь недопустимость полученного доказательства.

Третьим свойством доказательств является их достоверность. Достоверность доказательства – это его способность объективно устанавливать факты и явления действительности. Достоверность доказательства – это требование к его содержанию, которое обеспечивается соблюдением формы доказательства. Таким образом, допустимость доказательства прямо влияет на его достоверность. Изложенное позволяет судить о тесной взаимосвязи всех свойств доказательств при его оценке.

Достаточность как конечный критерий оценки доказательственной базы предполагает комплексный анализ всей совокупности собранных доказательств на предмет их способности достоверно подтвердить все элементы предмета доказывания, тем самым обеспечивая необходимую полноту и объективность процессуального познания обстоятельств уголовного дела.

В контексте исследования механизма доказывания принципиальное значение имеет вопрос о субъектах оценки доказательств, при этом в досудебном производстве данная функция возложена на следователя, дознавателя и прокурора, которые проводят итоговый анализ доказательственной базы при завершении следственных действий и составлении заключительных процессуальных документов, формируя тем самым основу для последующего судебного разбирательства. Прокурор дает оценку доказательств принимая решение об утверждении итогового процессуального акта стадии предварительного расследования, а затем в суде в ходе поддержания обвинения. На судебных стадиях оценку доказательств осуществляет суд. Итоговая оценка дается им в приговоре, где и разрешается вопрос о доказанности виновности подсудимого. В качестве субъектов оценки доказательств можно признать и присяжных заседателей при постановлении ими вердикта по уголовному делу.

Таким образом, можно подытожить, что собирание, проверка и оценка доказательств являются тесно взаимосвязанными неразрывными элементами процесса доказывания.

В структуре уголовно-процессуального доказывания оценка доказательств выполняет завершающую функцию, заключающуюся в проведении компетентными субъектами (судом, прокурором, следователем, дознавателем) комплексной экспертизы доказательственного массива на предмет соответствия установленным законом требованиям к их качеству (относимость, допустимость, достоверность) и количественной достаточности для обоснования выводов, изложенных в итоговом процессуальном акте.

Важным отличием оценки доказательств, как элемента доказывания, от собирания и проверки является невозможность урегулировать ее нормами уголовно-процессуального закона. Если собирание и проверка доказательств заключаются в производстве процессуальных действий, то оценка не имеет процессуальной формы, т.е. мыслительную деятельность невозможно урегулировать нормами права. Закон может регулировать лишь критерии и результаты такой деятельности в виде признания доказательства недопустимым.

По общему правилу основной обязательной формой фиксации доказательств является протоколирование. Отсутствие протокола или наличие нарушений в порядке его оформления делает недопустимым в использовании любых иных результатов фиксации доказательственной информации.

Глава 3 Спорные вопросы доказывания в современном уголовном судопроизводстве

3.1 Проблемные аспекты процессуальной регламентации доказывания

Правовое регулирование института доказывания в уголовном процессе России в целом представляется достаточным. Однако в правоприменительной практике постоянно возникают вопросы, требующие дополнительного правового регулирования. Некоторые из них обсуждаются почти с момента принятия УПК РФ. Рассмотреть все проблемы правового регулирования института доказывания в данной работе не представляется возможным, поэтому мы сосредоточим свое внимание на трех основных проблемах: юридическая природа сведений, полученных на этапе доследственной проверки; процессуальная допустимость результатов оперативно-розыскных мероприятий; а также доказательственная сила материалов, представленных защитой в рамках реализации состязательных начал уголовного судопроизводства. Каждый из указанных элементов требует отдельного методологического анализа с точки зрения соответствия критериям относимости, допустимости и достоверности, установленным уголовно-процессуальным законодательством.

Вопрос о правомерности доказывания до возбуждения уголовного производства имеет глубокие теоретические корни в науке уголовного процесса. Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения не только выполняют функцию юридического основания для процессуального решения, но и в дальнейшем интегрируются в систему доказательств, поскольку именно на стадии предварительной проверки происходит первоначальная верификация события на предмет соответствия признакам объективной стороны состава преступления. Вместе с тем какая-либо четкая регламентация доказательственного значения результатов доследственной

проверки в уголовно-процессуальном законе отсутствует. В связи с чем и возникают сложности в определении допустимости и достоверности доказательств, полученных до возбуждения уголовного дела.

Собирание доказательств в уголовном судопроизводстве представляет собой регламентированную законом процессуальную деятельность, осуществляемую субъектами как обвинительной, так и защитительной функции, которая в большинстве случаев активизируется после процессуальной фиксации факта преступления посредством вынесения соответствующего постановления о возбуждении уголовного дела. Процессуальная деятельность на стадии проверки сообщения о преступлении предполагает проведение следователем комплекса проверочных действий, целью которых является сбор достаточных данных для констатации наличия признаков состава преступления, что детерминирует последующее принятие решения о возбуждении уголовного дела или отказе в этом.

При этом в уголовно-процессуальной науке сохраняется дискуссионный вопрос о доказательственном значении материалов доследственной проверки, где доминирует позиция, согласно которой такие материалы, ввиду их получения вне рамок возбужденного уголовного дела, лишены статуса процессуальных доказательств, что отражает классический подход к пониманию процессуальной формы в российском уголовном судопроизводстве. В то же время их оппоненты утверждают обратное, признавая за указанными материалами статус полноценных доказательств.

Традиционная доктрина доказательственного права исходит из принципиального положения о том, что формирование доказательственной базы возможно исключительно в рамках процессуальных отношений, возникающих после вынесения официального постановления о возбуждении уголовного дела, что обусловлено необходимостью соблюдения установленных законом процедур легитимации источников доказательственной информации. И.Л. Петрухин отмечает, что «поскольку следственные действия рассматривались научной доктриной как практически

единственный способ собирания доказательств, считалось, что материалы, полученные до возбуждения уголовного дела, не могут использоваться в качестве доказательств, поскольку способ их получения не соответствует условиям допустимости и не обеспечивает достоверности содержащихся в них сведений» [46, с. 162].

Однако такой подход в современном уголовном процессе давно утратил свою актуальность.

«С принятием УПК РФ 2001 г. у дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа появилась возможность при проверке сообщения о преступлении назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование (ст. 144 УПК РФ). Перечисленные действия относятся к следственным действиям, результатом производства которых является появление доказательств в форме вещественных доказательств, протоколов следственных действий, иных документов и заключения эксперта (ч. 2 ст. 74 УПК РФ)» [71, с. 38].

С.А. Шейфер и многие другие ученые отмечали, что стадия возбуждения уголовного дела носит процессуальный характер, а значит и результаты деятельности следователя и дознавателя на этой стадии обладают признаками доказательств и соответствуют критериям допустимости [71, с. 48].

В.А. Лазарева отмечает, что «аргументы «за» и «против» допустимости использования доказательств, полученных в стадии возбуждения уголовного дела, лежат в плоскости обеспечения достоверности фактических данных» [27]. Это означает, что если при получении такой информации в достаточной мере были соблюдены требования уголовно-процессуального закона, определяющие порядок получения тех или иных сведений и гарантирующие соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых начато уголовное преследование, то такие сведения могут быть использованы в качестве доказательств.

В подтверждения изложенного вывода в 2013 г. ст. 144 УПК РФ дополнена ч 1.2, в соответствии с которой полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ.

Вопрос о допустимости сведений, полученных до возбуждения уголовного дела, относится к вопросу о достоверности фактических данных. «Подмена достоверности допустимостью основана на искажении представления о форме доказательства как процедуре получения сведений» [64, с. 231].

«Законодателем предусмотрен ряд действий, которые возможны до возбуждения уголовного дела, например, осмотр места происшествия, который оформляет протоколом. В ходе проведения следственного действия могут быть изъяты предметы, которые являются доказательствами, их непризнание в качестве доказательств после возбуждения уголовного дела недопустимо, если они совершены с соблюдением условий, предусмотренных УПК РФ» [62, с. 134].

П.А. Лупинская пишет, что «материалы, представленные вместе с заявлением о возбуждении уголовного дела, могут использоваться в качестве доказательств только тогда, когда после возбуждения уголовного дела лицо, представившее эти материалы, было допрошено, установлено, кем, когда и при каких обстоятельствах были обнаружены представленные вещи, документы или произведена кино-; фотосъемка. То есть речь идет о возможности проверить достоверность доказательства» [64].

Помимо данных, полученных следователем или дознавателем, существенную роль в уголовном деле отдают явке с повинной.

С точки зрения современной теории уголовного процесса явка с повинной интерпретируется как акт добровольного признания в совершении уголовно-правового деликта, при этом особый акцент делается на абсолютной недопустимости какого-либо принудительного воздействия со стороны должностных лиц правоохранительной системы, поскольку подобные

действия не только нивелируют саму сущность добровольности признания, но и грубо нарушают систему конституционных прав личности, включая принцип свободы от самообвинения (ст. 51 Конституции РФ) и основополагающие нормы международного гуманитарного права.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 31.10.1995 года содержится принципиальная правовая позиция, подчеркивающая императивный характер соблюдения конституционных принципов в доказательственной деятельности. Высший судебный орган особо акцентирует требование безусловного соблюдения: конституционного запрета (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) на использование доказательств, полученных с нарушением законодательных предписаний; процессуальных последствий, предусмотренных ст. 75 УПК РФ, в силу которых подобные доказательства признаются недопустимыми и исключаются из системы оснований уголовного преследования, что обеспечивает защиту фундаментальных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Законодатель, формируя нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривает понятие «доказательства», указывая в ч. 1 ст. 74 на то, что ими являются: «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [65].

В п. 7 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» указывается, что «если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания» [63, с. 231].

Однако в ч. 2 ст. 74 УК РФ отсутствует указание на явку с повинной как источник доказательств.

Таким образом, сведения полученные на стадии возбуждения уголовного дела должны без сомнений признаваться доказательствами при условии, что они получены в формах, предусмотренных ст. 144 УПК РФ и соответствуют требованиям о достоверности. Дополнительного правового регулирования данный вопрос не требует.

В системе актуальных проблем современного уголовного процесса особое место занимает вопрос процессуальной легитимации результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в качестве доказательственной базы. Данная проблематика имеет глубокие доктринальные корни и на протяжении длительного периода является предметом оживленных научных дискуссий в сфере уголовно-процессуального права, что обусловлено необходимостью поиска оптимального баланса между эффективностью уголовного преследования и соблюдением процессуальных гарантий участников судопроизводства.

В силу ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации,

регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом.

При этом ст. 89 УПК РФ запрещает в процессе доказывания «использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ» [65].

В первую очередь, рассмотрим положения Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция). Отметим, что «отдельные положения Инструкции также предусматривают возможность и допустимость использования результатов ОРД в качестве доказательств по уголовным делам (п. 3 Инструкции)» [53].

Итак, согласно п. 1 обозначенной Инструкции, последняя «определяет порядок передачи материалов как по инициативе оперативного подразделения в случае самостоятельного выявления преступления, так и результатов, полученных на основании поручения следователя, дознавателя, органа дознания и суда по уголовному делу и по находящимся в их производстве материалов проверки сообщения о преступлении» [47, с. 88].

О.С. Поликарпова отмечает, что «документально полученные результаты ОРД, которые могут иметь процессуальное значение, согласно п. 6 Инструкции, должны быть оформлены либо в форме рапорта об обнаружении признаков преступления, либо в форме сообщения о результатах ОРД» [47, с. 88].

Анализ правовой природы рапорта об обнаружении признаков преступления позволяет квалифицировать его как полифункциональный документ, который, с одной стороны, выступает процессуальным поводом для возбуждения уголовного дела в соответствии со статьями 141 и 143 УПК РФ, а с другой - содержит фактические данные о признаках преступного деяния, что соответствует требованиям п. 7 Инструкции. В данном контексте результаты оперативно-розыскной деятельности выполняют двойную роль: первоначально они служат юридическим основанием для инициирования

уголовного преследования, однако при наличии в них сведений, непосредственно указывающих на признаки состава преступления, приобретают потенциальную доказательственную ценность, подлежащую последующей процессуальной легализации в установленном законом порядке.

Отметим, что требования к содержанию рапорта об обнаружении признаков преступления и прилагаемых к нему материалов конкретизированы в п. 18 Инструкции, согласно которой «результаты ОРД, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, должны содержать достаточные данные, указывающие на признаки преступления, а именно: сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены; при каких обстоятельствах имело место их обнаружение; сведения о лице (лицах), его совершившем (если они известны), и очевидцах преступления (если они известны); о местонахождении предметов и документов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по уголовному делу; о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [61].

Согласно п.п. 10 и 12 Инструкции, это «такие ОРМ, как проверочная закупка, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, оперативное внедрение. Опять же, они составляются в дух экземплярах. Если же предоставляются результаты ОРД полученные в результате проведения ОРМ связанных с ограничением конституционных прав граждан, для проведения которых необходимо получение решение суда, то к таким материалам должно быть приложено и соответствующее решение суда» [48, с. 103].

«Если в результате ОРД были получены материальные носители, например, фото- и киносъёмки, аудио- и видеозаписи, и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами, то такие предметы также в обязательном порядке, подлежат передаче (п. 17 Инструкции)» [61].

Согласно абзаца первого данного пункта, «органом, осуществляющим ОРД, при подготовке и оформлении для передачи уполномоченным должностным лицам (органам) материалов, документов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, должны быть приняты необходимые меры по их сохранности и целостности (защита от деформации, размагничивания, обесцвечивания, стирания и другие). При представлении фонограммы к ней прилагается бумажный носитель записи переговоров» [61]. Субъекты оперативно-розыскной деятельности обязаны обеспечивать сохранность доказательственной информации в силу ее процессуальной значимости, поскольку деструкция материальных носителей приводит к утрате возможности верификации содержащихся в них сведений, что влечет их исключение из системы доказательств как не отвечающих критерию допустимости.

Проведенный анализ судебной практики подтверждает валидность выдвинутых теоретических положений, что находит свое эмпирическое подтверждение в судебном акте Магаданского областного суда (апелляционное постановление от 29.05.2019 по делу № 22к-223/2019), где судебная инстанция, отклоняя жалобу на действия оперативных сотрудников, в мотивировочной части решения констатировала полное соответствие их процессуальной деятельности установленным законодательным параметрам, тем самым подтверждая правомерность оперативно-розыскных мероприятий, включая правомерность составления протокола осмотра и изъятия вещественных доказательств в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия по обследованию помещения с последующей передачей указанного документа следователю в рамках исполнения соответствующего процессуального поручения [2].

Проведенное исследование актуальной следственной практики позволяет констатировать объективную потребность в реализации следователем специальных процессуальных процедур, регламентированных нормами уголовно-процессуального права, целью которых является придание

юридически значимого статуса результатам оперативно-розыскных мероприятий посредством их трансформации в полноценные доказательства, соответствующие критериям относимости, допустимости и достоверности, установленным действующим законодательством. Данный тезис находит подтверждение в судебной практике, в частности, в приговоре Дербентского городского суда Республики Дагестан от 23 июня 2016 года по делу № 1-110/2016, где судебным органом были признаны допустимыми доказательствами материалы, оформленные в виде протокола осмотра документов, содержащего результаты оперативно-розыскных мероприятий в отношении М.К. Османова, представленные территориальным органом МВД [51].

Обсуждение полномочий стороны защиты на участие в уголовно-процессуальном доказывании началось с принятием УПК РФ, который закрепил право защитника и других неуполномоченных участников процесса представлять предметы и документы для приобщения их в качестве доказательств.

Участие в доказывании по уголовному делу не только стороны обвинения, но и стороны защиты является прямым выражением принципа состязательности сторон, закрепленного в ст. 15 УПК РФ. В целях реализации данного принципа уголовно-процессуальный закон предоставляет защитнику право собирать и представлять доказательства в предусмотренных в ч. 3 ст. 86 УПК РФ формах. Кроме того, ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в ст. 6.1 предоставляет адвокату-защитнику право на направление адвокатского запроса [68].

Теоретическое осмысление доказательственных полномочий защитника привело к формированию в науке уголовного процесса категории «адвокатского расследования» [32, с. 38], под которым понимается комплекс правовых норм, определяющих процессуальный статус адвоката-защитника как самостоятельного субъекта доказывания, обладающего правом на собирание, проверку и представление доказательств, что обеспечивает

реализацию конституционного права на защиту и принципа равенства сторон в уголовном судопроизводстве. С другой стороны, - «деятельность защитника по исследованию обстоятельств дела, направленная на выявление обстоятельств, оправдывающих подзащитного либо смягчающих его ответственность» [15, с. 146]. Однако термин «адвокатское расследование» не приобрел законодательного закрепления и является теоретическим.

Точно также законом не была закреплена процессуальная форма собирания доказательств защитником. Т.Ж. Жунусканов справедливо отмечает, что «полученные защитником материалы могут служить лишь основой для формирования доказательств в уголовном процессе» [20, с. 40]. С ним соглашается И.Л. Петрухин, который замечает, что «защитник лишен возможности преобразования полученной информации и придания ей надлежащей процессуальной формы, т.е. формирования доказательств» [46, с. 114].

Указанной позиции придерживался и С.А. Шейфер: «Признать представленный объект доказательством, ввести его в дело, т.е. включить в систему уже собранных доказательств - это исключительная прерогатива органа расследования, прокурора и суда. Принятие решения о приобщении предмета и документа к делу, в сущности, представляет собой акт закрепления доказательства, завершающий момент собирания (формирования) доказательства. Пока такое решение не принято - доказательства не существует» [70, с. 43].

Конституционный Суд РФ при рассмотрении жалобы гражданина Пятничука П.Е. указал на «право стороны защиты собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств» [39].

А.Н. Калюжный отмечает неудачность «конструкции п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, фактически отождествляющей понятия «предметы и документы» и «сведения», а также размывающей содержание п. 1 и п.3 указанной статьи» [22, с. 44].

По нашему мнению, пробелом в правовом регулировании полномочий защитника является и отсутствие указания в ч. 3 ст. 86 УПК РФ на право защитника собирать доказательства путем привлечения специалиста и получения его заключения. С учетом сказанного ч. 3 ст. 86 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 4, изложив его в следующей редакции: «привлечения специалиста и получения заключения специалиста».

Проблемы в правового регулирования участия защитника в доказывании связаны и с непризнанием протоколов опроса лиц с их согласия, составленных защитником, в качестве доказательств органами, осуществляющими производство по делу. Конституционный Суд РФ подтвердил, что указанные протоколы не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам в связи с чем использоваться в доказывании не могут. Так, по мнению Конституционного Суда РФ, «защитник при проведении опроса не должен предупреждать опрашиваемого об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и разъяснять ему право не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников, так как наделение защитника таким правом означало бы придание ему несвойственной процессуальной функции» [40]. Конституционный Суд РФ отметил, что «отсутствие процессуальной регламентации формы проведения опроса и фиксации его результатов не может рассматриваться как нарушение закона и не является основанием для отказа в приобщении результатов к материалам дела» [41]. Однако протоколы опроса в следственной практике служат лишь предпосылкой для производства следственного действия в виде допроса.

В соответствии со ст. 159 УПК РФ «подозреваемому или обвиняемому, его защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям не может быть отказано в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, а также в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении

которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами» [65].

Казалось бы, указанная норма обязывает уполномоченных лиц приобщать к материалам дела все материалы и сведения собранные стороной защиты, однако это не совсем так, поскольку принимая такое решение следователь и дознаватель вправе оценить имеют ли значение для данного уголовного дела представленные защитой сведения, и к сожалению эта оценка в большинстве случаев осуществляется не в пользу защитника.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости нормативного закрепления императивного требования о безусловном приобщении к уголовному делу всех доказательственных материалов, представленных защитой, а также обязательного удовлетворения соответствующих ходатайств стороны защиты, что создаст дополнительные гарантии реализации принципа равноправия сторон в уголовном процессе. В этих целях исключить из ч. 2.2 ст. 159 УПК РФ фразу «если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами».

Проблемные аспекты правоприменительной практики, связанной с доказыванием по уголовным делам

В современной судебной и следственной практике возникает множество вопросов, связанных с применением норм, регулирующих процесс доказывания по уголовным делам. Остановимся на некоторых из них.

Все чаще правоприменителям приходится иметь дело с электронными (цифровыми) доказательствами. Они существенно отличаются от традиционных в силу своей электронной природы, в связи с чем возникают сложности в их оценке. Неправильная оценка относимости и допустимости электронных доказательств влечет ошибки при квалификации и постановлении приговора. При оценке электронных доказательств

необходимо особое внимание уделять механизму их формирования и функционирования. Анализ судебной практики по уголовным делам о преступлениях, квалифицируемых по ст. 187 УК РФ (неправомерный оборот средств платежей), выявил системную проблему в правоприменительной деятельности судов первой инстанции. В частности, установлены случаи некорректной оценки относимости доказательств, обусловленные недостаточным учетом специфики составообразующих элементов данного преступления. Подобные судебные ошибки послужили основанием для отмены вынесенных приговоров в апелляционном порядке

Так, «приговором суда была установлена виновность гражданина Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 187 УК РФ, выразившегося в системе взаимосвязанных противоправных действий, включающих в себя умышленную передачу персональных данных за материальное вознаграждение для фиктивной регистрации в качестве руководителя и учредителя юридического лица; организацию доступа к банковскому счету через систему дистанционного обслуживания; незаконную реализацию средства электронной идентификации (ЭЦП), создавшего условия для несанкционированного распоряжения денежными средствами от имени юридического лица, что в своей совокупности соответствует всем признакам состава преступления в сфере незаконного оборота платежных средств» [52].

Отменяя приговор суда первой инстанции, суд кассационной инстанции указал, в частности, что «предметами преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ, наряду с иными, являются электронные средства, электронные носители информации, предназначенные для неправомерного осуществления перевода денежных средств. Согласно статье 2 Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи» ключ электронной подписи - это уникальная последовательность символов, предназначенная для создания электронной подписи, а электронная подпись - это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой

информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. И далее кассационный суд пришел к выводу о том, что изготовленный и полученный Н. в установленном порядке ключ электронной подписи не может быть отнесен к электронным средствам, электронным носителям информации, предназначенным для неправомерного осуществления перевода денежных средств, поскольку он представлял из себя лишь совокупность последовательных символов, предназначенную для создания электронной подписи, которая без присоединения ее к другой информации значимости не имела» [49].

Ошибка в оценке электронного доказательства как предмета преступления была допущена также другим судом первой инстанции, признавшим наличие в действиях И. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 187 УК РФ. Суд кассационной инстанции, отменяя судебные акты судов первой и апелляционной инстанций, указал, что «предмет преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 187 УК РФ, составляют только платежные документы, не являющиеся ценными бумагами, которые могут быть использованы в денежно-кредитном обороте, поэтому суд первой инстанции должен был обсудить вопрос, относится ли кассовый чек на ГСМ к указанным документам, применительно к Положению ЦБР от 3 октября 2002 года № 2-П «О безналичных расчетах в Российской Федерации»» [50].

М.И. Воронин указывает, что «по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации важное значение имеет правильное установление технических свойств и характеристик, используемых для совершения преступлений компьютерных программ и иных электронных (цифровых) доказательств» [13, с.118].

Так, судебным приговором признана виновность Т. в совершении противоправных действий, подпадающих под юрисдикцию ч. 1 ст. 273 УК РФ. Квалифицирующими признаками преступления стали: разработка вредоносного кода; его дистрибуция; эксплуатация. Функциональное назначение данного ПО включало: осуществление несанкционированного

копирования цифровых данных; обход механизмов информационной безопасности, что полностью соответствует законодательной дефиниции рассматриваемого состава преступления. [3].

В процессе судебного разбирательства ключевым доказательством, обладающим свойством относимости согласно оценке судебных инстанций, выступил цифровой носитель (оптический диск), содержащий программное обеспечение, идентифицированное антивирусными средствами как вредоносный код. В рамках другого судебного процесса анализ функциональных характеристик программных продуктов, использованных обвиняемым С., позволил установить их принадлежность к разработкам ведущих IT-корпораций. Судебная экспертиза констатировала, что данные программы не соответствуют критериям вредоносности, поскольку их целевое назначение заключается в обеспечении информационной безопасности, а не в реализации несанкционированного доступа к компьютерным данным. Суд апелляционной инстанции, в частности, отметил, что «компьютерная программа - объективная форма представления совокупности данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерного устройства с целью получения определенного результата, а по смыслу статьи 273 УК РФ, под вредоносными программами, очевидно, понимаются программы, известные как компьютерные вирусы, то есть такие программы, которые специально созданы в целях нарушения нормального функционирования компьютерных программ для достижения преступных результатов, заведомо приводящих к несанкционированному уничтожению, блокированию, модификации либо копированию информации» [4].

Вопросы оценки электронных доказательств как допустимых вызывают разногласия как в науке, так и в практике правоприменения, что обусловлено коренным отличием формы электронных доказательств от формы, традиционно используемых в доказывании. М.И. Воронин указывает, что одним из спорных вопросов правоприменения является вопрос о необходимости получения судебного разрешения на выемку переписки из

социальных сетей или осмотр переписки, содержащейся в телефоне [14, с. 46]. Вопрос о допустимости также возникает в случае изъятия электронных носителей информации без участия специалиста.

Отсутствие в УПК РФ понятие электронных доказательств и законодательной регламентации порядка собирания, проверки и оценки электронных доказательств существенно затрудняет работу судов. В связи с чем ч. 2 ст. 74 УПК РФ представляется необходимым дополнить новым видом доказательств: электронное (цифровое) доказательство. Закрепление понятия электронных доказательств возможно в ст. 5 УПК РФ: «Электронное (цифровое) доказательство – это любые сведения в виде цифрового файла, сохраненного на цифровом носителе, локальной сети или Интернет на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [61].

В юридической литературе также предлагается включение в УПК РФ новых следственных действий, направленных на собирание электронных доказательств. К таковым, например, относят «осмотр сетевых информационных ресурсов» [45, с. 13]; «удаленное подключение к компьютеру в процессе его работы» [7, с. 61]; «выемку электронных носителей информации» [18, с. 641]; «копирование электронной информации» [43, с. 311]; «арест электронно-почтовой корреспонденции» [37, с. 131]. Признать данные предложения обоснованными сложно, поскольку все перечисленные следственные действия, в сущности, уже закреплены в УПК РФ. Перегружать уголовно-процессуальный закон новыми статьями представляется излишним. Однако внести дополнения в статьи УПК РФ, регулирующие порядок производства отдельных следственных действий в части собирания электронных доказательств вполне возможно.

Московский городской суд указал, что «телефон является средством мобильной связи, не предназначен исключительно для накопления и

хранения данных; в момент изъятия самого телефона снятие какой-либо содержащейся в нем информации не происходило, поэтому участия специалиста для изъятия телефона как предмета не требовалось» [5].

Предлагаемое толкование законодательных положений вступает в противоречие с императивным характером нормы, закрепленной в части 2 статьи 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Указанная норма в категорической форме предписывает обязательное привлечение специалиста при осуществлении изъятия электронных носителей информации в рамках производства любых следственных действий. Оценка достоверности электронных доказательств основывается, прежде всего, на известности и установлении подлинности источника происхождения информации. М.Г. Янин отмечает, что «установление подлинности источника электронного доказательства связано с проверкой первоисточника, на котором хранилась информация, сводящаяся к установке отсутствия внесенных модификаций» [72, с. 29].

Так, «вступившим в законную силу судебным актом установлена виновность гражданина С. в совершении деяния, подпадающего под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, которое объективно выразилось в распространении экстремистских материалов, содержащих признаки публичной пропаганды террористической идеологии, посредством публикации на личной странице пользователя «АС» в социальной сети «ВКонтакте» двух информационных сообщений, сопровождавшихся комментариями, включающими явные призывы к осуществлению террористической деятельности и обоснование ее идеологии. Несмотря на попытки подсудимого оспорить свою причастность к публикациям, ссылаясь на возможную компрометацию аккаунта третьими лицами, судебные инстанции обеих уровней, проведя всесторонний анализ представленных доказательств, включая их верификацию на соответствие критериям относимости, допустимости и достоверности, пришли к однозначному выводу о доказанности виновности С. в инкриминируемом ему

общественно опасном деянии, что нашло отражение в вынесенном обвинительном приговоре» [6].

В рамках анализируемого уголовного производства ключевым доказательством выступал цифровой артефакт - электронный документ, зафиксированный посредством скриншотирования пользовательского профиля обвиняемого С. в социальной сети "ВКонтакте". Подсудимый инициировал процедуру оспаривания как подлинности представленного цифрового контента, так и своего авторства в отношении материалов экстремистской направленности, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, что потребовало проведения комплексной судебно-технической экспертизы для верификации цифровых следов и установления их процессуальной достоверности. Правовая позиция защиты основывалась на тезисе о невозможности однозначной атрибуции спорных публикаций подзащитному, предполагая потенциальную возможность их размещения третьими лицами. В этой связи перед органами предварительного следствия стояла комплексная задача: верификации цифрового доказательства; установления его генезиса; подтверждения авторской принадлежности. В результате проведенных процессуальных действий была сформирована многоаспектная система доказательств, включающая: экспертные заключения по цифровым следам; данные о регистрационных параметрах аккаунта; хронологию активности пользователя. Судебная оценка представленных доказательств позволила сделать категоричный вывод о доказанности факта публикации именно обвиняемым С. противоправного контента, что образует состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 УК РФ.

Рассмотренные проблемы оценки электронных доказательств подтверждают необходимость внесения законодательных изменений в части регламентации электронных доказательств как вида и учета особенностей их собирания.

Одним из таких дискуссионных вопросов является вопрос о возможности использования результатов исследования на полиграфе в доказывании по уголовным делам. В юридической литературе приоритетным является мнение о недопустимости использования результатов исследования на полиграфе как доказательств [35], [23], [10]. Такая позиция обосновывается, с одной стороны, отсутствием единой научно обоснованной и апробированной методики проведения полиграфических исследований (некоторыми они называются даже псевдонаучными), а, с другой стороны, отсутствием процессуальной основы использования результатов полиграфа в качестве доказательств.

В.В. Семенов отмечает, что по результатам изучения судебной практики установлено, что «суды разных инстанций стали чаще принимать решения об исключении заключений полиграфологов из числа доказательств. Число случаев признания за ними доказательственного значения стало сокращаться. Сегодня это несколько десятков случаев в год (в 2017 г. - 61, в 2018 г. - 63, в 2019 г. - 51)» [56, с. 8].

Как представляется большую роль в формировании отказа судов от принятия результатов исследования на полиграфе в качестве доказательств сыграл Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года. Так, «судебная коллегия изменила приговор Мурманского областного суда от 23 июля 2012 г. в отношении Б. и Ш., исключила ссылку на использование заключений по результатам проведенных в ходе предварительного следствия психофизиологических экспертиз, при которых исследовались показания Б. и Ш., в качестве доказательств. Судебная коллегия указала, что такие заключения не соответствуют требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к заключениям экспертов, и такого рода исследования, имеющие своей целью выработку и проверку следственных версий, не относятся к доказательствам согласно ст. 74 УПК РФ» [36].

С изложенной позицией невозможно не согласиться. Использование полиграфа в доказывании требует развития научно-методической базы данного вида исследований, разрешения вопроса о пределах компетенции эксперта-полиграфолога, создания процессуальных основ для его применения. В правоприменительной практике возникают и другие проблемы связанные с оценкой допустимости доказательств, оглашением показаний данных в ходе предварительного расследования, обеспечением прав участников уголовного судопроизводства, разрешением судьбы вещественных доказательств и т.д.

Таким образом, по итогам исследования вопросов настоящей главы представляется возможным предложить следующие основные выводы.

Правовое регулирование доказывания в уголовном процессе в целом можно признать достаточным. Однако с течением времени УПК РФ, как и любой закон, требует совершенствования и дополнения, что обусловлено появлением новых составов преступлений, способов их совершения, научно-техническим прогрессом в целом. В теории и практике доказывания возникают проблемы, требующие дополнительного правового регулирования. Настоящее исследование позволило выявить их и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

Заключение

В юридической доктрине уголовное судопроизводство интерпретируется как регламентированная нормами процессуального права деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц, направленная на расследование, раскрытие и процессуальную квалификацию преступных деяний. Содержательно данная деятельность представляет собой систему доказывания, включающую установление фактических обстоятельств преступления и подтверждение виновности причастных лиц. Таким образом, институт доказывания составляет процессуально-познавательную основу всей системы уголовного судопроизводства.

В уголовном судопроизводстве процесс доказывания реализуется поэтапно, приобретая специфические характеристики на каждой стадии процесса. На первоначальном этапе - стадии возбуждения уголовного дела - осуществляется доказывание преступного характера события, где процессуальным основанием выступает наличие достаточных данных, свидетельствующих о признаках состава преступления, что соответствует требованиям части 2 статьи 140 УПК РФ. В ходе предварительного расследования предмет доказывания расширяется, включая не только установление всех элементов состава преступления, но и формирование доказательственной базы, подтверждающей виновность конкретного лица в совершении инкриминируемого деяния, что создает необходимые предпосылки для передачи материалов уголовного дела в судебные инстанции с целью последующего вынесения обвинительного приговора и назначения уголовного наказания. При переходе к судебным стадиям производства доказывание виновности обвиняемого трансформируется в центральный процессуальный вопрос, требующий всестороннего исследования и окончательного разрешения в контексте реализации правосудия, что подчеркивает его фундаментальное значение для обеспечения законности и обоснованности принимаемых судебных решений.

Доказывание в уголовном процессе представляет собой сложный когнитивно-практический механизм, реализуемый субъектами уголовного судопроизводства и включающий три взаимосвязанных элемента: сбор доказательств, их проверку и оценку. Данный механизм выполняет двуединую функцию: установление фактических обстоятельств по делу, формирование доказательственной базы для избличения лица в совершении инкриминируемого деяния. Как системообразующий элемент уголовно-процессуальной деятельности, доказывание пронизывает все стадии производства по уголовному делу. Законодатель, закрепляя в УПК РФ дифференцированные правила доказывания для каждой процессуальной стадии, преследует две основные цели: обеспечение гарантий защиты прав участников процесса, достижение специфических задач, характерных для конкретного этапа судопроизводства.

Правовое регулирование доказывания в уголовном процессе в целом можно признать достаточным. Однако с течением времени УПК РФ, как и любой закон, требует совершенствования и дополнения, что обусловлено появлением новых составов преступлений, способов их совершения, научно-техническим прогрессом в целом. В теории и практике доказывания возникают проблемы, требующие дополнительного правового регулирования. Настоящее исследование позволило выявить их и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства:

Во-первых, необходимо законодательно закрепить понятие предмета доказывания путем внесения дополнений в ст. 5 УПК РФ: «п. 25.1 предмет доказывания – обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу».

Во-вторых, необходимо расширить полномочия защитника по сбору доказательств, предоставив ему право собирать доказательства путем привлечения специалиста и получения его заключения. С учетом сказанного ч. 3 ст. 86 УПК РФ необходимо дополнить пунктом 4, изложив его

в следующей редакции: «привлечения специалиста и получения заключения специалиста».

В-третьих, в целях обеспечения принципа состязательности сторон представляется необходимым внести следующие законодательные изменения: установить императивное требование о безусловном приобщении к материалам уголовного дела всех доказательственных материалов, представленных стороной защиты; исключить из части 2.2 статьи 159 УПК РФ оценочное условие («если обстоятельства...имеют значение для данного уголовного дела»), создающее возможность для необоснованного отказа в удовлетворении ходатайств защиты, что позволит устранить существующий дисбаланс в процессуальных возможностях сторон и обеспечит реализацию конституционных гарантий права на защиту.

В-четвертых, в целях оптимизации доказательственного процесса представляется необходимым законодательное закрепление в статье 89 УПК РФ специальных процессуальных требований к отдельным категориям результатов оперативно-розыскной деятельности, которые позволят унифицировать практику их трансформации в доказательства, отвечающие всем критериям допустимости, установленным уголовно-процессуальным законом.

В-пятых, сведения полученные на стадии возбуждения уголовного дела должны без сомнений признаваться доказательствами при условии, что они получены в формах, предусмотренных ст. 144 УПК РФ и соответствуют требованиям о достоверности. Дополнительного правового регулирования данный вопрос не требует.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Алейников Г.И. Теоретические и практические вопросы деятельности защитника по собиранию доказательств в стадии досудебного следствия по законодательству Украины и России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 234 с.
2. Апелляционное постановление Судья Магаданского областного суда от 29.05.2019 г. по делу № 22к-223/2019 // ГАС РФ «Правосудие».
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 августа 2016 г. по делу № 10-12939/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 21 августа 2018 г. по делу № 10-13245/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 5 марта 2019 г. № 10-3033/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 225-АПУ19-1 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Бахтеев Д.В., Смахтин Е.В. Криминалистические особенности производства процессуальных действий с цифровыми следами // Российский юридический журнал. УрГЮУ. 2019. № 6. С. 61-68.
8. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие / Б.Т. Безлепкин. - М. : Норма, 2013. 484 с.
9. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. 295 с.
10. Белкин А.Р. Допустимость, достоверность, процессуальная пригодность, или еще раз о роли полиграфа в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2013. № 2. С. 14-22.
11. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А.Р. Белкин. - М. : Экзамен, 2007. 527 с.
12. Болдырев В.А. Государственный обвинитель в советском суде / В.А. Болдырев. - М., 1954. 308 с.

13. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права, 2021, № 8. С. 118-128.
14. Воронин М.И. Недопустимая допустимость электронных доказательств. Судебная практика и пробелы в УПК // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 46-55.
15. Голованова О.В. Адвокатское познание по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 237 с.
16. Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : ВГУ, 1978. 303 с.
17. Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс: учебник. М. 2005. 832 с.
18. Добровлянина О.В. Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 641-649.
19. Доля Е.А. Формирование и реализация метода доказывания по уголовным делам // Законность. 2013. № 5. С. 44-50.
20. Жунусканов Т.Ж. Проблемы адвокатского расследования в процессе осуществления защиты по уголовному делу // Адвокатская практика. 2010. № 3. С. 40-43.
21. Зинатуллин З.З. Уголовно–процессуальное доказывание / З.З. Зинатуллин. Ижевск, 1993. 178 с.
22. Калюжный А.Н. Трансформация форм адвокатского расследования в уголовном процессе: проблемы правовой конструкции и практики реализации // Адвокатская практика. 2017. № 2. С.44-49.
23. Китаев Н.Н., Архипова А.Н. Результаты опроса на полиграфе не могут иметь статус уголовно-процессуальных доказательств // Российский следователь. 2010. № 3. С. 5-7.
24. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс».

25. Кронов Е.В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России. М., 2013. 48 с.
26. Кудрявцева А.В., Попов, В.С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции: монография. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. 249 с.
27. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Лазарева. - 7-е изд., перераб. и доп. - М. : Издательство Юрайт, 2019. 263 с.
28. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М. 1986. 159 с.
29. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.И. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М. : БЕК, 1997. 314 с.
30. Леонтьев А.В. Построение состязательного уголовного процесса должно основываться на новом понятии доказывания // Законодательство и экономика. 2014. № 1. С. 55-56.
31. Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М. : Юристъ, 2006. 238с.
32. Маслов И. Адвокатское расследование // Законность. 2004. № 10. С. 34-38.
33. Мещерин А.И. Особенности познания защитником обстоятельств уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 219 с.
34. Миньковский Г. М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956. 115 с.
35. Ничипоренко Т.Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. 2008. № 3. С. 45-48.
36. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // СПС «КонсультантПлюс».

37. Овсянников Д.В. Электронное копирование информации в системе средств уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 131-132.

38. Определение Конституционного Суда РФ № 451-0 от 20.11.2003 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Конституционного Суда РФ от 4 апреля 2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

42. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Проспект, 2000. 138 с.

43. Основы теории электронных доказательств: монография / под ред. С.В. Зуева. - М. : Юрлитинформ. 2019. 398 с.

44. Панько Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж, 2000. 145 с.

45. Першин А.Н. Осмотр сетевых информационных ресурсов - новый вид следственного действия? // Российский следователь. 2020. № 1. С. 13-16.

46. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М., 2004. Ч. I. 220 с.

47. Поликарпова О.С. Проблемы взаимодействия оперативных подразделений с органами предварительного расследования в целях установления лиц, причастных к совершению преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 4. С. 87-93.

48. Помелов А.А. Основания для проведения проверочной закупки наркотических средств и критерии ее обоснованности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 102-110.

49. Постановление Президиума Воронежского областного суда по делу № 44у-65/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

50. Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 22 января 2019 г. по делу № 44у-851/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 23.06.2016 г. по делу № 1-110/2016 // ГАС РФ «Правосудие».

52. Приговор Аннинского районного суда Воронежской области от 6 июля 2017 г. по делу № 1-71/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Приказ МВД России № 368, ФСБ России № 185, ФСО России № 164, ФТС России № 481, СВР России № 32, ФСИН России № 184, ФСКН России № 97, Минобороны России № 147 от 17.04.2007 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд»// СПС «КонсультантПлюс»,

54. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. 2-е изд. М. : Юрлитинформ, 2001. 352 с.

55. Россинский С.Б. Уголовный процесс: учебник / Российское юридическое образование. М. : Экзамен, 2010. 735 с.

56. Семенов В.В. Использование результатов исследований с применением полиграфа в доказывании по уголовным делам // Российский следователь. 2020. № 10. С. 8-12.

57. Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М. : ЛексЭст, 2001. 93 с.

58. Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М. : Госюриздат, 1958. 235 с.

59. Стельмах В.Ю. Понятие и отличительные признаки следственных действий // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 88-97.

60. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: основные положения науки советского уголовного процесса, Т.1 / М.С. Строгович. - М. 1968. 470 с.

61. Сумин А.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства: актуальные проблемы теории и практики. М., 2015. 80 с.

62. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств (краткий очерк) / А.И. Трусов. - М. 1960. 176 с.

63. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. И.Л. Петрухин, И.Б. Михайловская. - 3-е изд. - М., 2010. 688 с.

64. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П.А. Лупинская. - 2-е изд., испр., и доп. - М. : Норма, 2004. 815 с.

65. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

66. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М. Альта-принт, 2008. 510 с.

67. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань : Казанский университет, 1976. 206 с.

68. Федеральный закон от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской

деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

69. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. 307 с.

70. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М. : Норма, 2009. 238 с.

71. Шейфер С.А. Проблемы допустимости доказательств требуют дальнейшей разработки // Государство и право. 2001. № 10. С. 47-54.

72. Янин М.Г., Кочедыкова К.М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. 2019. № 2 (22). С. 28-31.

73. Baker L. Miranda: Crime, Law & Politics. Criminal Review. 1983. No 12. P. 17-21.

74. Gilbert B. Stuckey. Evidence for the Law Enforcement Officer. New York, 1966. P. 157-158

75. Hungerford-Welch P. Criminal Procedure & Sentencing. 7th ed. London : Routledge-Cavendish, 2009. P. 61. 66-70.

76. Mauro T. Police Right to Remain Silent // USA today. 1999. 10 February.

77. Yue Ma. Prosecutorial discretion and plea-bargaining in the United States, France, Germany and Italy: a comparative perspective // Intern. Criminal Justice Rev. 2002. Vol. 12. № 1. P. 29-33.